

Эмили Дикinson

ЗА КРАСОТУ МОЮ
ОТНЯЛИ ЖИЗНЬ

Москва

Эмили Дикinson

ЗА КРАСОТУ МОЮ
ОТНЯЛИ ЖИЗНЬ

Москва

УДК 821.111-1(73)
ББК 84(7Сое)-5
Д45

Перевод с английского *Веры Марковой*

Перевод с английского и предисловие
Екатерины Звонцовой

Иллюстрации на переплете и во внутреннем оформлении
Елизаветы Надеждиной

Дикинсон, Эмили.

Д45 За красоту мою отняли жизнь... / Эмили Дикинсон ; [перевод с английского Е. Звонцовой, В. Марковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с.

ISBN 978-5-04-223585-6

Перед вами — поэтический сборник Эмили Дикинсон, одной из самых загадочных и глубоких фигур американской литературы XIX века. В её сжатых, насыщенных смыслами стихотворениях — размышления о жизни и смерти, природе и бессмертии, вере, одиночестве и внутренней свободе.

Переводы Веры Марковой и Екатерины Звонцовой не только сохраняют тончайшие оттенки оригинала, но и передают музыкальность и внутреннюю напряжённость поэзии Дикинсон. Благодаря разному художественному почерку переводчиц читатель получает многогранное восприятие этой поэзии — строгой и дерзкой, отстранённой и обжигающе личной.

Сборник приглашает в мир, где привычные слова обретают непривычную глубину, а пауза между строк — говорит больше, чем строки сами.

УДК 821.111-1(73)
ББК 84(7Сое)-5

© Маркова В., наследники, 2025
© Звонцова Е., перевод, 2025
© Звонцова Е., предисловие, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-223585-6

БЕССМЕРТНЫЕ МИРЫ И БЕССМЕРТНАЯ ЛЮБОВЬ Эмили Дикинсон

«Сломить её дух было не легче, чем сломить рассвет».

В такой нежно-ироничной манере Марта Дикинсон, племянница поэтессы и её посмертный биограф¹, говорит о подростковых и юношеских проделках своей великой тётушки. И в её стихи бунтарство рассвета тоже прокралось: свежие образы, экспериментальные рифмы, болезненная — порой экстатическая — откровенность. У неё и не было шанса писать что-то обычное, у девушки, которая:

верила в фей и гномов, знала каждую тропу в окрестных лесах и щедро делилась с близкими дикой землянкой, добытой в самых глухих уголках;

вела юмористическую колонку в школьной газете «Лесные листья»;

бросала вызов суровым правилам душной семинарии, отстаивая своё право и права подруг на вкусные рождественские ужины и валентинки;

с симпатичным молодым кузеном сбежала с похорон какого-то совершенно неизвестного и не интересного ей пожилого родственника — кататься на двуколке с ветерком;

---

¹ The Life and Letters of Emily Dickinson by Martha Dickinson Bianchi [Электронный ресурс]: BOSTON AND NEW YORK HOUGHTON MIFFLIN COMPANY The Riverside Press Cambridge, 1924 — Режим доступа: https://en.m.wikisource.org/wiki/The_Life_and_Letters_of_Emily_Dickinson

полюбив человека, с которым не могла быть вместе, приняла решение — более не выходить из комнаты, не совершать ошибок.

и многое, многое другое.

Неожиданно, правда? Слегка выбивается из образа, который часто создают исследователи. Образа «синего чулка», «странный затворницы», «отчуждённого гения». Да, в какой-то момент Эмили Дикинсон действительно выбрала уединение в родном доме и саду под сенью сосен, компанию сестры и огромного пса. Но видела она и чужие дома, и чужие сады.

Текст Марты Дикинсон хорошо раскрывает историю поэтессы и её семьи, а также детали провинциального быта и нравов середины XIX века. Здесь же обрисуем её путь парой чётких росчерков. Родилась 10 декабря 1830 года в городке Амхерсте (штат Массачусетс), в семье конгрессмена. Родила в тепле и любви, в строгости, но не в суровости. Уезжала учиться в женскую семинарию Маунт-Лайон, где прогрессивная программа, в том числе крепкий корпус естественных наук, соседствовала с немалой коснотью в воспитании «благородных девиц». Не доучилась, вернулась домой. Через несколько лет, сопровождая отца в деловой поездке, кого-то встретила, и это серьёзное, но не увенчавшееся союзом чувство изменило её навсегда.

Эти страницы личной истории Эмили Дикинсон довольно таинственны. Влюблялась она не раз, среди её увлечений исследователи называют разные имена, как романтические трактуются многие её отношения — из-за пылких, экзальтированных писем, по которым кажется, будто во всех своих друзей поэтичесса хоть капельку, но влюблялась. Но кем именно был таинственный «Мастер», «Сэр», к которому до конца жизни Эмили Дикинсон иногда обращалась в стихах и письмах, — неизвестно. Если это напоминает вам историю бессмертной возлюбленной некоего не менее знаменитого немецкого композитора, то вы правы.

Часто в исследованиях называют имя священника Чарльза Уодsworthа (1814—1882), об этом же — осторож-

ными намёками — говорит Марта Дикинсон. С Уодсвортом поэтесса действительно познакомилась в поездке, несколько раз встречалась в Амхерсте, переписывалась в разлуке — а когда он стал пастором церкви Голгофы в Сан-Франциско, лирическая героиня Эмили Дикинсон называлась Императрицей Голгофы. После утраты Уодсворта она написала в письме подруге: «*Все прочие потрясения в конце концов однообразны, и только смерть Любимого обращает все мгновения — теперь — в застывшее 1 апреля¹ — вчера, сегодня и навсегда*». Разница в возрасте, факт, что пастор уже был женат, общая этическая спорность подобных чувств в сочетании с харизмой, силой духа и умом этого человека действительно могли стать началом творческого всплеска, который литературоведы отмечают именно со второй половины 1850-х.

Этим можно объяснить и выбор Эмили Дикинсон — больше не покидать Амхерст, общаться с друзьями и родной, в основном, по переписке, выходить, лишь чтобы поработать в саду или испечь вкусный торт. И так до смерти. Впрочем, были и простые земные причины: необходимость помочь сестре, забота об ослабшей матери, тревожное военное время. А ещё — полное нежелание делиться поэзией с кем-то вне ближнего круга. Зато этим людям Эмили Дикинсон часто дарила стихи — например, жене старшего брата Остина, Сьюзен Гилберт, своей лучшей подруге, огоньку, скрасившему её юношеское одиночество, посвятила сотни текстов.

Сейчас Эмили Дикинсон — одна из ключевых фигур американской поэзии, в одном ряду с Уолтом Уитменом и Генри Лонгфелло. Не признанная творческим сообществом при жизни — и, что интересно, не стремившаяся к признанию, — через несколько десятилетий после смерти, усилиями семьи, сохранившей её черновики, она начала восхождение на почти недосiąгаемую высоту. И вот, она улыбается нам оттуда, хрупкая незнакомка в белом платье,

---

¹ Точная дата смерти Уодсворта.

с глазами цвета коктейльных вишен — так она сама порой описывала себя.

В Эмили Дикинсон, как и во многих выдающихся людях, опередивших своё время, — вроде Сирано де Бержера-ка, Людвига ван Бетховена, Марии Башкирцевой, — было что-то от подменыша фей. Чуткость к переменам и смелая — иногда бесстрашная — неготовность слепо подчиняться правилам. Избирательность в сближении с другими и оглушительная любовь к тем, кому сердце всё же открылось. И огромное любопытство к миру, проницательность и наблюдательность ко всему, что в нём рождается, живёт и умирает.

Стихи Эмили Дикинсон о природе сравнимы с макросъёмкой. Стоит взглянуть на её дом — светлый, с маленькой мансардой, в окружении старых деревьев и душистых флоксов, лилий, сирени, мяты — и удивительная детализация станет понятной. Внимания поэтессы не избежит ни последний осенний лист, ни пчела на выонке, ни щербинки на могильных камнях. Закаты, грозы, снега — найдётся место и им. Пчёлы и лягушки, мыши и дрозды в её строфах — такие же частые гости, как призраки и ангелы. Нередкий герой — или адресат — её стихов и сам Бог: даже почти не посещая церковь, Эмили Дикинсон обращалась к христианским мотивам, ища силы и ответы на вопросы. Её любовь к Господу — то любовь верной дочери к добруму, но суровому отцу, то трепет девы-соратницы перед сюзереном.

Любовная лирика Эмили Дикинсон пронизана то горечью разлуки, то сладостью тайны, полна отчаяния и страсти. «Бою я тебе проиграла...», та самая «Императрица Голгофы» — обжигающе нежные стихи, которые отзовутся всем, кто хотя бы раз влюблялся, ставя на кон всё. Эмоциональная многогранность, умноженная на отсутствие подробностей подлинно личных, делает эти и многие другие произведения вечными, универсальными. А некоторые тексты — например, очаровательное в своей искренности, почти не сумеречное «Одну улыбку вашу, Сэр» — можно

читать и как стихи о любви вовсе не земной, а снова о небесной, к Богу.

Самый плодотворный период в творчестве Эмили Дикинсон — с 1858-го по вторую половину 1860-х — пришёлся на непростые для США годы противостояния Севера и Юга. Патриотичной лирики в классическом понимании у Эмили Дикинсон нет, либо — учитывая, как сложно было разбирать её огромный архив и как часто её потомки скорились, пытаясь его поделить, — эта лирика утрачена. Так или иначе, отголоски сражений, страх за близких и надежда на бессмертие для героев в лирике Дикинсон слышны, и это ясный, чистый, скорбный гражданский голос. Жизнь в тёмные исторические времена наложила на неё отпечаток. Она вела переписку с Томасом Уэнтвортом Хиггинсоном — командиром первого в армии Севера полка, состоящего из освобождённых афроамериканцев, а потеряв на фронте друга семьи, молодого солдата Фредерика Стернса, посвятила ему одно из пронзительнейших своих стихотворений «Узнать, как страдал он, — и боль, и отрада». И снова, не зная, из какой глухой темноты написана эта вещь, не читая скорбных писем Эмили о том, как плакала оставленная в Амхерсте семья Стернса, мы можем читать этот текст как элегию о мученической смерти Христа.

Эмили Дикинсон не хотела славы, точнее, была в этом вопросе удивительной фаталисткой. «Если слава суждена мне, я от неё не сбегу, если же нет — мне никогда за ней не утнаться и даже мой пёс едва ли оценит мой талант». Так она написала во фронтовом письме Хиггинсону, который был не только офицером, но и литератором. У него она решалась иногда осторожно попросить стороннего взгляда на своё творчество. Взгляд этот щадил, но, конечно, подчёркивал главное, то, что отмечали и другие друзья-поэты, критики, издатели: это хорошо, но... неправильно. Так не пишут. Не рифмуют (кое-кто даже называл рифмы Эмили спазматическими!). Эти эмоции слишком обнажены, обrazy — зыбки.

Кто знает, что сделала бы с этими правками и ремарками Эмили Дикинсон, если бы — цитируя другого бессмертного автора, Джерома Сэлинджера, повесть «Симор. Введение»¹ — считала поэзию своей профессией, чем-то, в чём необходимо реализовываться материально: через публикации, награды, литературные вечера. Но поэзия была скорее её религией и осталась в запертой комнате, до времён, когда эта экспериментальная поэтическая манера перестала так удивлять. «Это — письмо, что я миру пишу». Письмо длиною в жизнь. Не более.

Эмили Дикинсон думала, что «странные» письма её останутся без ответа. Но даже теперь, когда она мертва, по её же собственным словам из предсмертной записки кузинам, «отозвана», — ответы продолжают приходить.

От читателей, находящих в старых строфах ответы на новые вопросы.

От других творцов, зачастую неожиданных — в этом ряду и Марина Цветаева, и Иосиф Бродский, и Тейлор Свифт, — благодарных за отголоски вдохновения.

От киноиндустрии, представители которой сняли о Дикинсон несколько фильмов и сериалов.

И от переводчиков, несущих её тексты в разные страны, в том числе русскому читателю.

Наследие Эмили Дикинсон огромно и насчитывает больше 1700 стихов. Не все собраны в этой книге, но здесь немало знаковых работ. Редакция желает вам приятного чтения.

Е. Звонцова

---

¹ Персонаж Сэлинджера Симор Гласс в своём посмертном письме говорит брату, начинающему автору Бадди Глассу: «Знаешь, чему я улыбаюсь? Здесь написано, что по профессии ты писатель. Кажется, это самый милый эвфемизм из всех, что я когда-либо слышал. Когда это писательство было твоей профессией? Для тебя оно всегда было не чем иным, как религией».

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод Екатерины Звонцовой

(153)

Нет ответов в городе Его,
Лишь сияет далёкий свет
Тайны прошлого Его от меня далеко —
И наверное, саму Смерть

Проще разгадать, чем был ли паинькой Он —
Или тем ещё Сорванцом?
Бегал ли с мальчишками дни напролёт
Или тенью ходил за Отцом?

Не склоняется ни перед чем Его голова!
Золото — молчание Его, золото — и слова!
Долгий труд и тёмный час Ему не чужды
и не страшны.
Он храбрей Разбойника в кругу солдат и спокойней
Армады в штиль.

Гнёзда, что он построил, крепче каменных
всех домов,
Для любви к Нему — что огромнее неба —
я не найду слов.
Тайны птицы доверяют лишь ему одному
И сердца — замёрзшие Малиновки, Синицы —
летят лишь к нему.

(407)

Не нужно Призракам ни дома,
Ни старых стен —
Они шептаться в сердце могут —
Его взяв в плен.

Куда страшней, чем вальс их грозный
В ночи глухой,
Тот миг, когда ты понял: поздно —
Они с тобой.

Куда страшней, чем в Церкви тихой
Хор мертвцевов,
Узнать среди погасших ликов
Своё лицо.

Ты бился с воинством их в мыслях
И выиграл бой.
Но обернулся — а Убийца
Перед тобой.

Сожми оружье в пальцах бледных
Взведи курок,
Вот только ты — тот призрак бедный
И ты — стрелок.